

Александр Ступников
Облунение

Александр Ступников

Облунение

«Издательские решения»

Ступников А.

Облунение / А. Ступников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832162-7

Стихи недавние, в основном, стёб над этим миром. Подборка из «давних» — тех, что помогли жить и реализоваться во всем, где хотел. Вы можете со мной спорить, но я всё равно с вами соглашусь...

ISBN 978-5-44-832162-7

© Ступников А.
© Издательские решения

Содержание

«Мы выросли из городских дворов...»	6
«Учителя учили нас тому...»	7
«Один вагон. Один маршрут. Одна конечная...»	8
«Закат похожий на рассвет...»	9
«Переболит... Переболеет...»	10
«Глубины прячет море подо льдом...»	11
«Куда-то. Перед кем-то...»	12
«О чем-то каркают вороны...»	13
«Когда впотьмах ни охнуть, ни вздохнуть...»	14
«Из темной брэнности веков...»	15
«Никто не может знать наверняка...»	16
«Кто он такой, чтоб говорить мне о моём...»	17
«Владей, хоть половиной суши...»	18
«Приму глаза твои...»	19
«Я сажу и попиваю вино...»	20
«Зачем книги сжигать, площадям на потеху...»	21
«Никто не хочет чахнуть и стареть...»	22
«Не поставишь офицера на пуанты...»	23
«Я прежде никогда не жил «так просто...»	24
«О, стреноженные кони...»	25
«Без парусов. Под парусами...»	26
«Кто продажен и бездарен...»	27
«Мужчина тянет груз свой целый век...»	28
«То просветление покоя...»	29
«От перемен житейских или мест...»	30
«Я хотел состояться. И стал...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Облунение

Александр Ступников

© Александр Ступников, 2016

Художник Валентин Губарев

ISBN 978-5-4483-2162-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мы выросли из городских дворов...»

Мы выросли из городских дворов.
И даже не успели удивиться,
Как быстро изменились наши лица.
И Родина. И Вера. И Любовь.
И то, что не случилось. Но творится.

Бессмысленно соженные мосты.
Ослепшие в прозрениях невежды.
И клочьями разбросанной одежды,
Возложенные к женщинам цветы,
Валяются на дальнем побережье.

И многие, как Спасы на крови,
Возвысились в построенных притонах,
Чтоб с бубнами толкаться под амвоном
Без Родины. Без Веры. Без Любви.
Зато с татуированной иконой.

И, ставшая бутылочной, вода
Повсюду освящает позолоту.
А наши дети, выйдя за ворота,
У отпрысков стареющих кидал
Уже стоят в надежде на работу.

Смешно и грустно видеть, как опять
Царями восхищаются плебеи.
И снова перед именем робеют
И тычутся, куда поцеловать
Хозяина карман и портупею.

Но мне плевать на выгодный расчет.
И злобную обиженность баранов.
Во мне всё так же, как это ни странно,
И Родина. И Вера. И еще
Любви благословенная осанна.

А время первобытное течет
С идиотизмом сломанного крана.

«Учителя учили нас тому...»

Учителя учили нас тому
Чему самих их, неучей, учили
Другие неучи.
Вот мы и получили
На каждого не столько по уму,
А сколько от ума недолечили.

«Один вагон. Один маршрут. Одна конечная...»

Один вагон. Один маршрут. Одна конечная.
А настоящим не живут.
Как-будто вечные.

«Закат похожий на рассвет...»

Закат похожий на рассвет.
Очарование Магриба.
За то, что не было и нет,
Чужая женщина, спасибо.

За обращенный силуэт
И безвопросие вопросов.
За горечь сладкой папиросы,
Которой не было и нет.

За одиночество пути
И многоточие за дверью.
За то, что я тебе не верю,
Чужая женщина, прости.

То запотевшее стекло
Произошло, но не случилось.
И ничего не получилось
И получится не могло.

Ночь, обращенная вослед,
Проснется днем – какой бы ни был.
За то, что не было и нет,
Чужая женщина, спасибо,

Очарование Магриба.
Закат похожий на рассвет.

«Переболит... Переболеет...»

Переболит... Переболеет..
Счастливым некого винить:
Кому даровано любить,
Того Господь не пожалеет.

А пожалея, не простит.
И приревнует, чтоб размазать.
И хрупкость созданной им вазы
В слепых осколках заблестит.

Где обитала пустота,
Так и останутся пустоты.
Любовь же плещется, как ноты
По беломорию листа.

И возгораемой до тла,
Ей, разноликой, все подвластно:
Она и в женщине прекрасна.
И в одиночестве светла.

На каждый день есть свой порог.
Свое рождение и рея.
И вновь рассветами алеют
Бинты ниспосланных дорог.

Любви неведома корысть
Где плыть. Где быть. Где оставаться.
Она везде увидит высь,
И не ослепнет удивляться.

Счастливым некого винить.
Их берега не обмелеют.
Кому даровано любить,
Того Господь не пожалеет.
А, значит, так тому и быть...

«Глубины прячет море подо льдом...»

Глубины прячет море подо льдом.
Зато на лужах мусора навалом.
Всю спину исплевали.
Поделом.
Не прижимай к груди кого попало.

У тех, кто очернять других привык,
Чем мельче ум, тем пакостней язык.

«Куда-то. Перед кем-то...»

Куда-то. Перед кем-то.
С кем-то. Как-то.
Всё, что угодно – кроме тишины.
Как много, убоявшихся себя.

Вздохнула проседью дождя
На солнце мокнущая осень.
Всё гуще серость за окном.

«О чем-то каркают вороны...»

О чем-то каркают вороны.
И поезд из железных стен
Скрипит колесами колен.
И окон свальные иконы
Плывут, глаза монотонно,
На нас за стеклами арен.

А я на паперти перрона
Стою, как одинокий член
В толпе отвязанных сирен
И вспоминаю, поименно,
Кому сдавался ночью в плен.
Кто подавал с утра патроны.
А после кофе и лимоны.
И полагал, что насовсем.

А насовсем есть только тлен.
Часы, карманники, вороны.
И уже фыркают вагоны
Вдыхая тягу перемен.

«Когда впотьмах ни охнуть, ни вздохнуть...»

Когда впотьмах ни охнуть, ни вздохнуть
И не нащупать верную дорогу,
Подвешенный,
Воистину от Бога,
Фонарь под глазом осветит твой путь.

Нет опыта и ярче, и мудрей,
Чем отсвет персональных фонарей.

«Из темной брэнности веков...»

Из темной брэнности веков
Иной дороги не дается:
Работа любит дураков.
А тот, кто любит – тот ведется

На увлеченность, на кураж,
На бескорыстие и смелость.
На гениальную умелость
И проб возвышенную блажь.

У умных нет других забот,
Как только пользоваться работу.
Их дни – расписанные ноты
Где всё скрипично наперед.

И ежедневно, «от и до»,
В почасовой своей расплате
Они мечтают о зарплате
Или о выигрыше в лото.

Так повелось, но далеко
Не все на этом свете плохо:
Работа любит дураков
А я люблю её, дуреху.

«Никто не может знать наверняка...»

Никто не может знать наверняка,
Что прячут намалеванные лица.
Как Библию. В руках клеветника.
Или Коран. В кармане у убийцы.
Но кто-то же придумал облака?

Никто не может знать наверняка
Заоблачную роспись отражений
На силуэтах принятых решений,
Всплывающих из нас, издалека.
Но кто-то же придумал искушения?

Нам и не надо знать...
Наверняка
Есть только ты. И я.
И облака.

«Кто он такой, чтоб говорить мне о моём...»

Кто он такой, чтоб говорить мне о моём.
О долге и обязанностях.
Звезды
Наляпаны на плечи
Тускло днем.
Я их не вижу. У меня другие.
И небо, как живая ностальгия,
По времени, в котором не живем.

Кто вы такой, чтоб говорить мне обо мне.
Что делал, как молился.
Удивляюсь,
Чего вам надо?
Мне ли это знать.
Расплесканным рассветом умываюсь
И ночью снова им же укрываюсь.
Мне некого за это упрекать.

Проснусь с благодарением к судьбе:
Кто я такой, чтоб говорить не о себе.

«Владей, хоть половиной суши...»

Владей, хоть половиной суши.
Храни хоть в банке.
Хоть в носке.
Те, кто копаются в песке,
Все украдут.
А нет – разрушат.
Уже наточены ножи,
Как языки у скользкой лжи.
Не страшно.
Новый день разбудит.
С нас не убудет:
Будем – будет!

«Приму глаза твои...»

Приму глаза твои.
Коснусь губами век.
Единовременно...
Как отрешенное мгновенье
Горящих рек.
Проснусь
Один.
Согнувшись, словно на коленях.
И раб себе. И господин.
То засуха. То наводнение.
Ужели в этом откровение
Любви,
С которой даже гримм
Необратимых лет и зим
Не смает соприкосновения.
Единовременно...
Век
Губами
Коснусь.
Глаза твои
Приму.
Как много слада между нами.
Как мало надо
Одному.

«Я сижу и попиваю вино...»

Я сижу и попиваю вино.
Мне, признаться, под вино, всё равно:
Кто и с кем, и почему, и зачем.
Я сижу и пью вино. Я – ничей.

Я сижу и пью вино. Мне плевать
«Б» на роже у кого или «Ять».
«Эй» топорщит под спиной или «аз».
Я сижу и пью вино. Не про вас.

Я сижу и попиваю вино.
Мне, признаться, расхотелось давно
В шоколаде бултыхать, как в г-не.
Я сижу и пью своё «Каберне».

Я сижу и попиваю вино.
А вокруг меня смешное кино:
Закусь, трах, одна и та же байда.
Я сижу и пью вино. Не туда.

По-собачьи завывает сосед.
У соседа ни вина, ни конфет.
Но зато есть у соседа жена —
Тот же трах, и закусон, и война.

А соседка говорит о деньгах.
У соседки сто колец на руках.
И ей надо-то всего лишь одно.
А я пью и подливаю вино.

Мне твердят, что мир рехнулся.
И что?
Он всегда таким и был.
«Конь в пальто.»
И кому-то по размерам оно.
А я ржу. И попиваю вино...

«Зачем книги сжигать, площадям на потеху...»

Зачем книги сжигать, площадям на потеху,
Освещая невежество черным огнем,
Если можно не ночью, а солнечным днем
Их, без шума, изъять из библиотеки.

«Никто не хочет чахнуть и стареть...»

Никто не хочет чахнуть и стареть.
Но в этом нет ни страха, ни печали.
Какое это счастье – умереть:
Отца и мать я снова повстречаю,
Чтоб с ними эти двери запереть
И новые открыть. Уже вначале.

Всего лишь жизнь.
И вновь, всего лишь смерть.

Без посторонних можно обойтись.
Но слов не обойти —
От посторонних...

«Не поставишь офицера на пуанты...»

Не поставишь офицера на пуанты.
А медали не заменишь на монеты.
За отчизну поднимались лейтенанты.
Маркитанты опускались за фуршеты.

И никто из них своей не знает меры.
Лишь во времени иначе бронзовея,
Лейтенанты быть хотели среди первых.
Забывая, что последние – живее.

И для каждого заложены палаты.
Золоченые. Больничные. Иные.
Вспоминали о любимых лейтенанты.
Маркитанты уминали отбивные.

В этом мире многогранные таланты.
И законы на столетия отлиты:
Честь и слава доставались лейтенантам.
Память павшему. А падшему – корыто.

Но в природе сбой случается когда-то.
И пустые раздуваются кареты.
Маркитанты победили лейтенантов.
Чести нет. И славы нет.
Одни фуршеты.

«Я прежде никогда не жил «так просто...»

Я прежде никогда не жил «так просто».
А оказалось, это очень просто:
Живи – и всё.
И вся. И все. И всех.
Я думал, это бег.
А это остров.
Среди помостов,
Как среди погостов,
Где хочется заплакать,
Слыша смех.
И рассмеяться запросто.
И остро.

Но шепчет мне о праздности утех
Встревоженный тринадцатый апостол,
Откуда-то возникший.
Как на грех.

«О, стреноженные кони...»

О, стреноженные кони.
Если только вы – не пони.
Мы в законах, как в загонах.
То уздечка. То седло.
Дышло, чтоб не увело.
И хомут на перегонах.
И расшитые попоны,
Если с крупом повезло.

А вокруг толпа в погонах,
Что возносят на плечах:
И в большом, и в мелочах.
И в постели, и в вагонах.
В темноте и при свечах.
И цветочки моветона
Как венки на кирпичах.

О, стреноженные кони.
Как же вам не повезло.
Эх, залечь бы на балконе
С пулеметом наголо.

Мой муж решился сделать харакири.
Теперь свободны оба: он и я.
Как просто сделать женщину счастливой...

«Без парусов. Под парусами...»

Без парусов. Под парусами.
Спина слепа. Как поводырь
С потусторонними глазами.
Какая разница... Пустырь,
Москва, Нью-Йорк или Сибирь,
Когда и морем, и лесами
И на воде, и под водой
Одно и то же, Боже мой,
Слегка меняется местами.
Как наслаждение – бедой.
А убеждения – годами.

Но как прекрасны миражи!
Кто не был предан, тот не жил.

«Кто продажен и бездарен...»

Кто продажен и бездарен,
Без работы не сидит.
От чиновников рябит,
Как рябит на рожу Сталин.

Все равно, в какой стране,
Они варят нас в г..не.
Государство – враг народа.
В этом суть его природы.

«Мужчина тянет груз свой целый век...»

Мужчина тянет груз свой целый век:
На шее, на хребте, на пояснице.
Но каждому когда-нибудь да снится
Готовность перетрахать вся и всех.
Иначе и не стоило родиться.

Споткнулся и упал. Разбил колено.
И ничего. Ни слова, ни обид.
Так что же я так злюсь на пустоту
Ничтожества,
Тупого, как мурена,
Со злобой несмываемой во рту.
Которая хватает и шипит,
Но этим и живет одновременно.

Когда змея попалась на пути,
Не можешь пристрелить – тогда уйди.

«То просветление покоя...»

То просветление покоя.
То наступающая тьма.
Прекрасны лето и зима.
И дождь, нависший над рекою,
Как чудо явственного сна.
С его реальностью благою,
В смертельных заводях ума.

Жизнь, безусловно, хороша:
В ней есть и всё.
И ни шиша.

Заметались по поземке
Стаи ищущих людей.
Снег крошится на асфальт.

«От перемен житейских или мест...»

От перемен житейских или мест
Не человек меняется, а двери.
Еврей не может на себе поставить крест.
А, если сможет – кто ж ему поверит?

Мы сидели на опушке:
Я – с собой. И некто Пушкин.
– Почитай чего-нибудь, —
Молвил он бывало.
– Нет дружок, не обессудь,
Просто так «чего-нибудь» —
Это очень мало.

Ай, да Пушкин. Сукин сын.
Бакенбарды и трусы.
По такому случаю
Я читал. А он писал.
Торопил и наливал.
Звал меня «Петруччио.»
Так сидели мы гурьбой:
Он один.
И я – с собой.

«Я хотел состоятся. И стал...»

Я хотел состоятся. И стал.

А зачем?

Я хотел выделятся. И встал.

А зачем?

Я хотел удивляться. И вновь удивляюсь,

Почему собираюсь и снова пытаюсь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.